

**Alberto Giacometti and Tahar Ben Jelloun.
On the Relationship between Sculpture and Literature**

The article deals with the relationship between sculpture and literature. Special attention is paid to the case of Alberto Giacometti's texts and sculptures and the interpretations of them by Tahar Ben Jelloun.

In comparative literature dominate the researches into the affinities between literature and painting, but the studies of the works created on the border of sculpture and literature are virtually absent. It is possible to fill this gap looking closely at the function of sculptural imagery in the text «The Street for Just One» by Ben Jelloun.

In this writing Giacometti's sculptures are the metaphors of the new existential qualities. The confrontation with their particular form allows the writer to create another subjectivity possessing the characteristics of both human and statuesque. In this perspective, it seems that the presence of sculptural imagery in the literary text changes the understanding of the structure of protagonist which is mediated in the writing by means of the imagery associated with the properties of Giacometti's sculptures.

Key words: mimesis, sculpture, subject, copy, dialectics.

УДК 801.73

Екатерина Баринова (Нижний Новгород)

ОБРАЗЫ ГЕРМАНИИ И НЕМЦЕВ В ПОЭЗИИ СИЛЬВИИ ПЛАТ

Стихи Сильвии Плат представляют особый интерес с точки зрения имагологии — рассмотрения образов «своего» и «чужого». Особое место среди образов других национальных культур в творчестве поэтессы занимают Германия и немцы. Германия занимает промежуточное положение между «своим» и «чужим», что объясняется немецкими корнями Плат. Отношение поэтессы к этой стране, ее судьбе, истории и людям амбивалентно.

Ключевые слова: имагология, концепт, «свое», «чужое», ассоциативный ряд, амбивалентность.

Сегодня все больший интерес исследователей, причем не только социологов, но и филологов, политологов, психологов и т. д. вызывают не просто национальные культуры как самодостаточные и автономные сферы, но их взаимная рецепция, переклички, восприятие культурой самой себя и других культурных миров. В литературоведении данными проблемами занимается сравнительное литературоведение, или компаративистика.

Компаративистика появилась относительно давно — в этой связи можно вспомнить и «Спор о древних и новых», который еще в далеком 1687 году начал Шарль Перро, и исследования Иоганна Готфрида Гердера, сопоставившего античный и шекспировский театр и пришедшего в результате к заключению о том, что именно «шекспировский» путь избирает современная ему немецкая литература. Настоящий бум как отечественная, так и зарубежная компаративистика переживают в XX веке. В основе компаративистского анализа лежит одна из ключевых бинарных оппозиций, определяющих пути развития как культуры в целом, так и литературного процесса в частности. Речь идет об оппозиции «свое» – «чужое».

В настоящей статье используются два частных метода компаративистского анализа — сравнительная концептология и имагология. Указанные методы имеют солидную теоретическую базу в отечественном литературоведении и активно используются филологами.

Сравнительная концептология — сравнительно новая область научного знания, однако достаточно вспомнить, что в основе ее лежит сравнительно-исторический подход к литературе

и культуре в целом, чтобы перестать сомневаться в основательности фундамента, которая компенсирует порой недостаточно устоявшийся терминологический аппарат. Впервые термин «сравнительная концептология» был введен Юрием Сергеевичем Степановым. Он же дает универсальное, на наш взгляд, определение концепта, который понимается как «сгусток культуры в сознании человека, пучок понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово» [3, с. 40].

Другая область сравнительного литературоведения, послужившая теоретической базой для настоящей работы, — имагология. Круг вопросов, интересующих имагологию, был очерчен Ниной Павловной Михальской и другими отечественными литературоведами. Данный раздел гуманитарного знания изучает восприятия и воплощения в литературных произведениях представлений об иной стране, ее народе, особенностях национального характера. В отечественной гуманитаристике сложилось несколько подходов к пониманию имагологии, обобщенных Алексеем Романовичем Ощепковым. Согласно им эта дисциплина рассматривается либо в составе литературоведения, либо исторической науки, либо культурологи (социологии) и, соответственно, изучает объективацию образов чужого/другого в литературных текстах; эволюцию исторически обусловленных образов наций, формирующихся в общественном сознании; представления участников культурного диалога друг о друге. Имагология понимается также и как наука о конструировании имиджей [1, с. 251]. Представления об иных этносах, возникавшие в период античности и Средневековья, оставались неупорядоченными вплоть до позднего Ренессанса. Одна из первых попыток систематизации констант национальных характеров была предпринята Юлием Цезарем Скалигером. В его «Поэтике» (1561 г.) дается компаративная характеристика черт отдельных народов. На сегодняшний день этому вопросу посвящено огромное количество трудов.

Процесс концептуализации национальных характеров-типов интенсифицировался в XVII веке благодаря влиянию картезианского рационализма, интеллектуальной атмосфере «века разума», стремившегося к созданию стройных таксономических систем, обоснованию разного рода классификаций. В сложившейся политической, культурной и экономической ситуации, проблемы национальных характеров и их взаимодействий приобрели небывалую актуальность. Сегодня данные вопросы носят междисциплинарный характер. В анализ литературных текстов проникают инструменты социальной и этнической психологии, межкультурной коммуникации и т. д.

Творчество Сильвии Плат дает богатейший материал для концептологического и имагологического анализа.

Сильвия Плат — американская поэтесса, автор нескольких прозаических произведений, писем и дневников — получила колоссальную известность в англоязычном культурном пространстве. В Англии и США написано множество работ по самым разным аспектам ее творчества, однако, как правило, анализ ограничивается узкобиографической трактовкой текста, а также попытками проследить в произведениях писательницы феминистский настрой. Действительно, в 50-е и 60-е годы XX века происходит всплеск активности феминистских движений, и мировоззрению Сильвии Плат идеи феминизма не были чужды. Однако сведение ее богатого и многогранного творческого наследия к манифесту феминизма и суицида, несомненно, сужает исследовательские рамки, не позволяет обратиться к другим, не менее значимым и интересным, аспектам творчества Плат. Об этой своеобразной «монотонности» исследований, посвященных творчеству Сильвии Плат, пишет, в частности, Мэри Кинзи, характеризуя все исследования в данной области как «повторяющиеся». Исследовательница отмечает, что «Сильвия Плат после своей смерти становится «исповедальным» автором, тогда как ее поэзия одновременно становится «суицидной» [4, с. 285]. Кинзи выражает обеспокоенность злоупотреблением этими понятиями в отношении Плат.

Интересными и продуктивными подходами к исследованию творчества Сильвии Плат представляются, как уже говорилось выше, имагология и сравнительная концептология. Имагологический подход к поэтическому наследию Плат позволит рассмотреть восприятие «своей», американской культуры, а также культур «чужих», отражение их в стихотворных произведениях. Проза Сильвии Плат с этой точки зрения представляет не меньший интерес, однако в данной статье речь пойдет именно о поэзии, которая составляет основную часть

творческого наследия поэтессы. Рассмотрим несколько стихотворений, относящихся к разным периодам творчества Плат, в которых находят отражение образы Германии, немцев, раскрывается все богатство ассоциативного поля концепта «немецкое».

Отличительная черта творческого сознания Сильвии Плат — восприимчивость к другим искусствам и культурам других стран, среди которых важное место занимают Германия, Россия и Англия. В данной статье речь идет о поэтических образах и концептах, относящихся к Германии и немцам. С Германией Плат связывают кровные узы в буквальном смысле этого слова. Ее отец, Отто Эмиль Плат, переехал в Соединенные Штаты в возрасте 15 лет из Грабова, городка, расположенного в восточной части Германии, известной в то время как «Польский коридор». Плат никогда не забывала о своих немецких корнях, что заставило ее так глубоко и лично переживать опыт Второй мировой войны и ее последствия. Таким образом, Германия для Сильвии Плат не имеет однозначного статуса. Она находится на пограничном состоянии между «своим» и «чужим» как в сознании, так и в творчестве поэтессы.

К образу Германии Плат обращается в трудные периоды жизни, когда ей овладевают отчаяние, ощущение безысходности, нестерпимой жестокости и холодности окружающего мира. Зимой 1963 года холод овладел Плат в самом прямом смысле этого слова — это была необычайно холодная зима, которая подорвала последние силы писательницы. 28 января 1963 года Сильвия Плат пишет стихотворение «The Munich Mannequins» («Мюнхенские манекены»), в котором звучат темы материнства, смерти, бесплодия. В стихотворении возникает интересная ассоциация — в ассоциативное поле концепта «совершенство» проникают смерть и бесплодие. Живое и творящее не может быть совершенным. Английский текст стихотворения начинается строками, полными холода и отчаяния:

«Perfection is terrible, it cannot have children.
Cold as snow breath, it tamps the womb» [6, p. 262].

Те же образы возникают и в русском переводе стихотворения:

«Совершенство жутко: оно бесплодно —
Снежным дыханием забиты пути рождения» [2, с. 253].

В стихотворении «Мюнхенские манекены» возникает образ немцев, Германии. Тема звучит уже в названии стихотворения, причем с самого начала в ассоциативное поле концепта «Мюнхен» проникает безжизненное, пассивное начало, связанное с образом манекена. Далее эта тема усиливается. Мюнхен у Плат (как и в русском тексте) становится «моргом между Парижем и Римом». Возможно, здесь находят отражения переживания Плат, связанные с опытом Второй мировой войны, к которой она считала себя чуть ли не причастной в силу своего происхождения, о чем уже говорилось выше.

Портрет немца в стихотворении «Мюнхенские манекены» обрисован с яркой негативной коннотацией:

«The thick Germans slumbering in their bottomless Stolz» [6, с. 263].

В переводе Василия Бетаки эта строка звучит следующим образом: «Весомые немцы напыщенно дрыхнут». Однако образ, созданный Плат, более зловещ именно потому, что в нем отсутствует какой-либо комизм, создаваемый лексемой «дрыхнут» в русском переводе. Английский глагол «slumber» не несет подобной коннотации и может быть переведен как «спать, дремать, находиться в полусонном состоянии». Плат, всегда внимательная и чуткая к языкам, для описания основной, доминирующей характеристики немцев использует немецкое слово «Stolz» — гордость. В стихотворении, где каждый звук наполнен глубоким смыслом, это немецкое слово звучит, как выстрел. В ассоциативное поле данного концепта, являющегося стереотипом восприятия немцев представителями разных национальностей, в стихотворении проникают такие элементы, как «black», «hooks», «voicelessness», «snow»¹. Создается образ одновременно зловещий и холодный, «немой», лишенный созидательного начала.

¹ «Черный», «крюки», «немота», «снег».

Весной 1962 года, за несколько месяцев до написания «Мюнхенских манекенов», Сильвия Плат создает еще одно «немецкое» стихотворение — «Little Fugue»¹. Здесь уже в заглавии возникает немецкая музыкальность, на протяжении веков тоже превратившаяся в стереотип, общее место. Музыка и немцы — понятия неразделимые, однако и в музыку, в прекрасное наследие немецкой культуры добавляет ложку дегтя Вторая мировая война. Рассмотрим текст стихотворения по порядку.

Название «Little Fugue» относит нас к произведению Иоганна Себастьяна Баха, написанному для органа. Как и большинство созданий Баха «Маленькая fuga» — произведение полифоническое, многоголосное. Многоголосие фуги звучит и у Плат. Немецкая культура в стихотворении имеет противоречивый, амбивалентный характер. Да, немецкая музыка прекрасна, но из-за нее выглядывают зловещие образы. Один из центральных образов стихотворения — «blind pianist» («слепой пианист»). Он может слышать музыку, но при этом он абсолютно слеп. Такова в представлении Плат немецкая нация периода Второй мировой войны — она унаследовала много прекрасного, но при этом абсолютна слепа, в чем и заключается весь ужас. Другая ассоциация, входящая в стихотворение в концепт «немецкое» — порядок. Действительно, «Ordnung» можно отнести к одной из основных констант немецкого культурного мира. Однако у Плат возникает порядок «готический» и «варварский», «истинно немецкий»:

«A yew hedge of orders,
Gothic and barbarous, pure German.
Dead men cry from it.
I am guilty of nothing» [6, с. 188].

Помимо «порядка» слово «order» в английском языке имеет значение «приказ». Через него в стихотворение проникает образ несвободы, тоталитаризма. В этом же четверостишии возникает образ мертвецов, а также концепт «guilty»². Лирическая героиня восклицает: «I am guilty of nothing» — «Я ни в чем не виновата». В этой попытке самооправдания слышен голос самой Плат, немецкие корни которой заставляли ее чувствовать личную вину, ответственность за все зло, сотворенное немцами.

К кому обращается Плат в стихотворении? Конечно, к отцу, благодаря которому ее жизнь была неразрывно связана с Германией:

«The yew hedge of the Grosse Fuge.
Deafness is something else.
Such a dark funnel, my father!
I see your voice
Black and leafy, as in my childhood»³ [6, с. 188].

Известно, что Сильвия Плат боготворила отца, но при этом страдала от его твердой воли и жестоких методов воспитания. В стихотворении она обращается к нему как к человеку с прусским складом ума:

«You had one leg⁴, and a Prussian mind».

Смерть отца в 1940 году, когда Плат только что исполнилось восемь, стала настоящим потрясением для поэтессы, оставив глубокий след в ее жизни и творчестве. Плат неизменно ассоциировала отца со всем немецким. Ее отношение к нему также противоречиво, как и ее отношение к Германии.

Аналогичный ряд образов — отец, Германия, война — выстраивается в стихотворении «Daddy» («Попочка»), написанном 12 октября 1962 года. Это стихотворение — своеобразная попытка Сильвии Плат преодолеть влияние отца, устранить его из своей жизни раз и навсегда.

¹ «Маленькая fuga».

² «Виновный».

³ «Тисовая изгородь Grosse Fuge».

Глухота — это что-то иное.

Как темна воронка, отец!

Я слышу твой голос

Черный и листистый, как в детстве» (пер. мой — Е.Б.)

⁴ Отто Плат лишился ноги в результате гангрены, возникшей из запущенной инфекции большого пальца.

Это стихотворение-протест, крик души, вызов, окрашенный в агрессивные тона. Отец становится практически синонимом фашизма. Стихи Плат, носящие ярко-автобиографический характер, как и все ее творчество, служили, вероятно, своеобразной терапией для поэтессы, возможностью облегчить внутренние страдания. В стихотворении перед нами все ужасы войны — лагерь, фашизм, судьба еврейского народа. И вновь читатель слышит немецкую речь:

«I never could talk to you.
The tongue stuck in my jaw.
It stuck in a barb wire snare.
Ich, ich, ich, ich,
I could hardly speak.
I thought every German was you.
And the language obscene...» [6, с. 223].

Образы, возникающие в этом отрывке (все стихотворение насчитывает 80 строк), поражают надрывом, звучащей в них болью. Немецкое «Ich, ich, ich, ich» в сознании лирической героини уподобляется звеньям колючей проволоки. Концепты «отец» и «немецкое» в стихотворении неотделимы друг от друга. В их ассоциативные поля входят многочисленные образы несвободы: «black shoe», «barb wire snare», «Dachau, Auschwitz, Belsen», «swastika»¹ и т. д. Сама героиня отождествляет себя с ногой, которая на протяжении тридцати лет жила в черном ботинке отца, не решаясь даже вздохнуть:

«...black shoe
In which I have lived like a foot
For thirty years, poor and white,
Barely daring to breathe or Achoo» [6, с. 222].

В стихотворении «Daddy» личная психологическая травма Плат, возникшая в глубоком детстве и вызванная непростыми взаимоотношениями с горячо любимым и одновременно ненавидимым отцом и его смертью, обретает мировой масштаб, где отец олицетворяет фашистское зло и диктатуру, которые стремятся преодолеть лирическая героиня и все человечество. Отец — воплощение немца вообще: «I thought every German was you» [6, с. 222].

Далее идут строки, в которых героиня может обращаться как к отцу, так и к Германии, ко всему немецкому народу:

«I have always been scared of you,
With your Luftwaffe, your gobbledygook.
And your neat mustache
And your Aryan eye, bright blue.
Panzer-man, panzer-man, O You —

Not God but a swastika
So black no sky could squeak through.
Every woman adores a Fascist,
The boot in the face, the brute
Brute heart of a brute like you»² [6, с. 222].

В этих строках наряду с ненавистью звучит иное чувство — любовь, обожание. Это чувство не поддается логическому объяснению, так как это любовь к чему-то бесчеловечному,

¹ «Черный ботинок», «шпыи колючей проволоки», «Дахау, Освенцим, Бельзен», «свастика».

² «Я всегда боялась тебя
С твоими Люфтваффе, твоей невразумительной речью.
И твои аккуратные усы,
И твои арийские глаза, ярко-голубые.
Человек-танк, человек-танк, О, Ты —

Не Бог, а свастика,
Настолько черная, что ни одно небо не сможет пробиться.
Каждая женщина обожает фашиста,
Сапог на лице, жестокость,
Жестокое сердце зверя, подобного тебе...» (пер. мой — Е. Б.).

жестокому, грубому, зверському (именно такими качествами в переводе с английского обладает «brute»). И вновь между героиней и отцом возникает языковой барьер, немецкий язык, превращающийся в стихотворении в маловразумительную абракадабру — «gobbledygook». Для родителей Плат английский был вторым языком, для нее же чужим становится немецкий.

Три стихотворения, рассмотренные в данной статье («The Munich Mannequins», «Little Fugue» и «Daddy»), не являются единственными примерами обращения Сильвии Плат к Германии, немецкой культуре, войне, фашизму. Однако в них наиболее ярко отразились основные тенденции и противоречия восприятия Плат этой страны.

Образы Германии и немцев в поэзии Сильвии Плат носят амбивалентный характер. С одной стороны, Германия — родина горячо любимого отца Сильвии, страна художников и музыкантов. С другой стороны, Германия ассоциируется в творчестве поэтессы с фашизмом, злом, жестокостью, насилием, подавлением человеческой свободы и темным варварством. В стихотворениях прослеживается параллель между двойственным отношением Сильвии Плат к отцу и противоречивостью образа Германии и немцев.

Список использованной литературы:

1. Ощепков А.Р. Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — №1. — С. 251–253.
2. Плат С. Собрание стихотворений / Сильвия Плат; в ред. Теда Хьюза. — Москва: Наука, 2008. — 436 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.
4. Kinzie M. An Informal Check List of Criticism / Mary Kinzie // The Art of Sylvia Plath; ed. Charles Newman. — Bloomington and London: Indiana University Press, 1970. — P. 283–300.
5. Padel R. 52 Ways of Looking at a Poem: A Poem for Every Week of the Year / Ruth Padel. — London: Vintage, 2004. — 272 p.
6. Plath S. Collected Poems / Sylvia Plath; ed. Ted Hughes. — New York: Harper and Row, Publishers, 1981. — 352 p.

Images of Germany and Germans in Sylvia Plath's Poetry

Poetry by Sylvia Plath is especially interesting from the point of view of imagology — examining the images of self and other. Germany and Germans occupy a unique place among images of other national cultures in Plath's creative activity. Germany is characterized by intermediate position between self and other, which may be explained by German origin of Sylvia Plath. Her attitude to this country, its history, destiny and people is ambivalent.

Key words: imagology, concept, self, other, associative array, ambivalence.